

Гавриил Романович Державин (1743-1816)

Река времен в своем стремлении
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

1816

Ключ

Источник шумный и прозрачный,
Текущий с горной высоты,
Луга поящий, доли злачны,
Кропящий перлами цветы,
О, коль ты мне приятен зришься!

Ты чист — и восхищаешь взоры,
Ты быстр — и утешаешь слух;
Как серна, скачуща на горы,
Так мой к тебе стремится дух,
Желаньем петь тебя горящий.

Когда в дуги твои серебристы
Глядится красная заря,
Какие пурпуры огнисты
И розы пламенны, горя,
С паденьем вод твоих катятся!

Гора в день стадом покровенну
Себя в тебе любуясь зрит;
В твоих водах изображенну
Дуброву ветерок струит,
Волнует жатву золотую.

Багряным бег твой становится,
Как солнце катится с небес;
Лучом кристалл твой загорится,
В дали начнёт синеться лес,
Туманов море разольётся.

О! коль ночьюю темнотою
Приятен вид твой при луне,
Как бледны холмы над тобою
И рощи дремлют в тишине,
А ты один, шумя, сверкаешь!..

1779

На рифмоплёта

Видал ли, рифмоплёт, на рынке ты блины
Из гречневой муки, холодные, сухие,
Без соли, без дрождей, без масла спечены,
И словом, чёрствыые и жёсткие такие,
Что в горло могут быть пестом лишь втолчены?
Не трудно ль — рассуди — блины такие кушать,
Не казнь ли смертная за тяжкие грехи?
Вот так-то, рифмоплёт, легко читать и слушать
Увы! твои стихи.

После 1780 (?)

СКРОМНОСТЬ

Тихий, милый ветерочек,
Коль порхнешь ты на любезну,
Как вздыханье ей в ушко шепчи;
Если спросит, чье? — молчи.

Чистый, быстрый ручеечек,
Если встретишь ты любезну,
Как слезинка ей в лицо плещи;
Если спросит, чья? — молчи.

Ясный, ведренный денечек,
Как осветишь ты любезну,
Взглядов пламенных ей брось лучи;
Если спросит, чьи? — молчи.

Темный, миртовый лесочек,
Как сокроешь ты любезну,
Тихо веткой грудь ей щекочи;
Если спросит, кто? — молчи.

1791

На птичку

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать её рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту,
А ей твердят: «Пой, птичка, пой!»

1792 или 1793

Дар

«Вот, — сказал мне Аполлон, —
Я даю тебе ту лиру,
Коей нежный, звучный тон
Может быть приятен миру.

Пой вельможей и царей,
Коль захочешь быть им нравен;
Лирою чрез них ты сей
Можешь быть богат и славен.

Если ж пышность, сан, богатство
Не по склонностям твоим,
Пой любовь, покой, приятство:
Будешь красотой любим».

Взял я лиру и запел, -
Струны правду зазвучали;
Кто внимать мне захотел?
Лишь красавицы внимали.

Я доволен, света бог!
Даром сим твоим небесным.
Я богатым быть не мог,
Но я мил женам прелестным.

1797

Философы, пьяный и трезвый

Пьяный

Сосед! на свете всё пустое:
Богатство, слава и чины.
А если за добро прямое
Мечты быть могут почтены,
То здраво и покойно жить,
С друзьями время проводить,
Красот любить, любимым быть,
И с ними сладко есть и пить.
Как пенится вино прекрасно!
Какой в нём запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальём, любезный мой сосед!

Трезвый

Сосед! на свете не пустое —
Богатство, слава и чины;
Блаженство сыщем в них прямое,
Когда мы будем лишь умны,
Привыкнем прямо честь любить,
Умеренно, в довольстве жить,
По самой нужде есть и пить, —

То можем все счастливы быть.
Пусть пенится вино прекрасно,
Пусть запах в нём хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед.

Пьяный

Гонялся я за звучной славой,
Встречал я смело ядры лбом;
Сей зверской упоён отравой,
Я был ужасным дураком.
Какая польза страшным быть,
Себя губить, других мертвить,
В убийстве время проводить?
Безумно на убой ходить.
Как пенится вино прекрасно!
Какой в нём запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальём, любезный мой сосед!

Трезвый

Гоняться на войне за славой
И с ядрами встречаться лбом
Велит тому рассудок здравый,
Кто лишь рождён не дураком:
Царю, отечеству служить,
Чад, жён, родителей хранить,
Себя от плена оборонить —
Священна должность храбрым быть!
Пусть пенится вино прекрасно!
Пусть запах в нём хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед.

Пьяный

Хотел я сделаться судьёю,
Законы свято соблюдать, —
Увидел, что кривят душою,
Где должно сильных осуждать.
Какая польза так судить?
Одних щадить, других казнить
И совестью своей шутить?
Смешно в тенета мух ловить.
Как пенится вино прекрасно!
Какой в нём запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальём, любезный мой сосед!

Трезвый

Когда судьба тебе судьёю
В судах велела заседать,
Вертеться нужды нет душою,
Когда не хочешь взятки брать.
Как можно так и сяк судить,
Законом правду тенетить
И подкупать себя пустить?
Судье злодеем страшно быть!
Пусть пенится вино прекрасно,
Пусть запах в нём хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед.

1789

Снигирь

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны грома в гробе лежат.

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов;
С горстью россиян всё побеждать?

Быть везде первым в мужестве строгом,
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и Богом,
Скиптры давая, зваться рабом,
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?

Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, снигирь!
Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отвсюду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! — что воевать?

Май 1800

Шуточное желание

Если б милые девицы
Так могли летать, как птицы,
И садились на сучках,
Я желал бы быть сучочком,
Чтобы тысячам девочкам
На моих сидеть ветвях.
Пусть сидели бы и пели,
Вили гнезда и свистели,
Выводили и птенцов;
Никогда б я не сгибался,
Вечно ими любовался,
Был счастливей всех сучков.

1802

Лебедь

Необычайным я пареньем
От тленна мира отделюсь,
С душой бессмертною и пеньем,
Как лебедь, в воздух поднимусь.

В двойком образе нетленный,
Не задержусь в вратах мытарств;
Над завистью превознесенный,
Оставлю под собой блеск царств.

Да, так! Хоть родом я не славен,
Но, будучи любимец муз,
Другим вельможам я не равен
И самой смертью предпочтусь.

Не заключит меня гробница,
Средь звезд не превращусь я в прах;
Но, будто некая цевница,
С небес раздамся в голосах.

И се уж кожа, зрю, перната
Вкруг стан обтягивает мой;
Пух на груди, спина крылата,
Лебязьей лоснюсь белизной.

Лечу, парю — и под собою
Моря, леса, мир вижу весь;
Как холм, он высится главою,
Чтобы услышать богу песнь.

С Курильских островов до Буга,
От Белых до Каспийских вод,
Народы, света с полукруга,
Составившие россос род,

Со временем о мне узнают:
Славяне, гунны, скифы, чудь,
И все, что бранью днесь пылают,
Покажут перстом — и рекут:

«Вот тот летит, что, строя лиру,
Языком сердца говорил,
И, проповедуя мир миру,
Себя всех счастьем веселил».

Прочь с пышным, славным погребеньем,
Друзья мои! Хор муз, не пой!
Супруга! облекись терпеньем!
Над мнимым мертвецом не вой.

1804

ЦЕПОЧКА

Послал я среди сего листочка
Из мелких колец тонку нить,
Искусная сия цепочка
Удобна грудь твою покрыть.

Позволь с нежнейшим дерзновеньем
Обнять твою ей шею вокруг:
Захочешь - будет украшеньем:
Не хочешь - спрячь её в сундук.

Иной вить на тебя такую
Наложит цепь, что - ах! - грузна.
Обдумай мысль сию простую.
Красавица! - и будь умна.

Февраль 1807